

Об авторе

Паулина Петерс — журналист по профессии. Родилась в 1966 году. Сторонница британского образа жизни. Писательница любит атмосферу загородных домов и парков, а также послеобеденный чай. В захватывающем романе «Рубиновая комната» она уводит читателя в мир туманных улочек английского рабочего квартала и роскошных загородных резиденций аристократии.

Паулина Петерс живет в Германии. Сейчас она работает над новым романом.

Глава 1

Лондон, 1907 год

Виктория Бредон торопливо шла по Палмер-стрит. Мужчина в темном костюме бросил возмущенный взгляд на ее накрашенные губы и розетку из лиловой, белой и зеленой ткани, приколотую к лацкану пальто, — символ суфражисток.

— Избирательное право для женщин! — крикнула она и задорно помахала ему рукой.

Свернув за угол на следующем перекрестке, Виктория остановилась, вынула из сумочки маленькую камеру «Кодак» и, сосредоточившись, окинула взглядом открывшуюся ей картину. На миг она превратилась из борца за избирательное право для женщин в самого обыкновенного фотографа.

Под бледным февральским солнцем фасад Кокстон-холла, выложенный из кирпича и песчаника, отсвечивал слабым розоватым светом. Перед зданием в стиле необарокко с множеством маленьких мансардных окошек куполообразной формы собралось несколько сотен женщин. В руках они держали плакаты и транспаранты с надписями «Избирательное право для женщин» и «Не будем платить налоги без права участвовать в управлении страной».

Большинство женщин были одеты просто, как работницы, горничные или мелкие служащие, однако на некоторых

были элегантные шляпки и пальто. Их можно было отнести к высшим слоям общества. Многие демонстранты, как и Виктория, накрашили губы в знак того, что они больше не хотят вести себя сдержанно, целомудренно и униженно, как того требовала все еще царившая на седьмом году правления Эдуарда VII викторианская мораль. Виктория улыбнулась и сделала снимок. «Благодаря красной помаде лица на фотографиях получатся более контрастными», — подумала она.

— Избирательное право для женщин! Избирательное право для женщин! — начали скандировать отдельные протестующие, их слова подхватили другие, голоса слились, толпа пришла в движение.

Сделав последнюю фотографию, Виктория присоединилась к демонстрации.

— Вы решили идти к зданию парламента? — обратилась она к одной из женщин с выразительными чертами лица.

— Ты не была на собрании?

Виктория покачала головой.

— Нет, нужно было работать.

Она делала фотографии в доках, затем занесла большой фотоаппарат в свою квартиру рядом с Грин-парком — он был слишком тяжелый и дорогой, чтобы брать его с собой на демонстрацию.

Старшая женщина насмешливо скривилась.

— Что ж, мы не пойдем к парламенту. Поскольку все наши петиции не дали результата, нам придется прибегнуть к более сильным средствам. Мы будем брать парламент штурмом. — В ее говоре был слышен сильный диалект кокни.

— Правда? Отличная идея.

Виктория почувствовала, как в душе нарастают волнение и радость. Около года тому назад либералы отстранили от

власти консерваторов, одержав сокрушительную победу. Перед выборами свободомыслящие мужчины с удовольствием воспользовались поддержкой женщин — как в роли вербовщиц, так и помощниц во время выборов. Особенно поощряли женщин, которые разливали чай и раздавали пироги. А после победы на выборах либералы стали относиться к избирательному праву для женщин как к одной из второстепенных проблем. Когда же во время королевской речи по случаю открытия парламента не было сказано ни слова о том, что женщины требуют предоставить им право голоса, чаша терпения у многих суфражисток переполнилась.

— Думается мне, у парламента будет довольно жарко, деточка. — Женщина с сомнением оглядела хрупкую фигурку Виктории.

— Не беспокойтесь, я могу постоять за себя, — покачала головой Виктория. — Избирательное право для женщин! Избирательное право для женщин! — И ее голос влился в общий хор голосов, когда демонстранты проходили мимо Вестминстерского аббатства.

Виктория снова почувствовала радостное волнение. Через два года ей наконец исполнится двадцать один год, а значит, она станет совершеннолетней. Вероятно, до тех пор избирательное право для женщин еще не введут. Но сдаваться девушка не собиралась. Ведь участвовать в выборах — это не просто иметь право принимать участие в политической судьбе страны. Кроме этого, это еще и справедливость, и возможность для каждой женщины, богатой или бедной, стать хозяйкой собственной судьбы.

«Однако же довольно иронично, что именно женщина помогла мне в детстве понять, что значит не иметь права распоряжаться собой и быть полностью зависимой», — пронеслось в голове у Виктории.

Те четыре месяца, которые она провела в детстве во Франкони, в Германии, у тираничной бабушки по материнской линии, графини Леонтины фон Марссендорфф, даже спустя столько времени казались сущим адом.

— Избирательное право для женщин! Не будем платить налоги без права участвовать в управлении страной! — Виктория невольно закричала еще громче.

И вот перед ними возникли светлые стены здания парламента, построенного в стиле неоготики. Воздух пронзили сигнальные свистки.

— Назад, леди, немедленно уходите отсюда! — послышался рев мужских голосов.

— Пропустите нас!

— Мы — граждане этой страны, мы платим налоги! Мы требуем права войти в здание парламента! — закричали возмущенные женщины.

— Если премьер-министр откажется принять нас, мы войдем к нему без приглашения!

Демонстранты ненадолго остановились, но вскоре ринулись вперед.

— Женщинам в первом ряду удалось прорвать полицейский кордон! — крикнул кто-то.

Преисполнившись твердой решимости попасть в здание парламента, Виктория стала протискиваться сквозь толпу. Краем глаза она заметила группу язвительно ухмылявшихся мужчин. В одну из женщин перед Викторией бросили тухлое яйцо, в нее саму — гнилой апельсин. Девушка поскользнулась на чем-то скользком и с трудом устояла на ногах.

Едва Виктория обрела равновесие, как сигнальные свистки засвистели громче. До ее слуха донесся топот копыт. На площадь въехали конные полицейские, направляя лошадей прямо в толпу демонстрантов. Послышались панические крики, ругань и яростные вопли.

«Ха, так вот какова эта полиция, будто бы преданная рыцарским идеалам!» — рассерженно подумала Виктория. Пытаясь не паниковать, она пригнулась, прошла под конской шеей, вынула из сумки свой «Кодак» и направила камеру на происходящее.

Перед объективом возник полицейский, державший в руках высоко поднятую дубинку. Она сфотографировала еще двоих полицейских, схвативших под мышки отчаянно отбивавшуюся женщину и потащивших ее по мостовой. От группы зубоскаливших мужчин отделились несколько человек, бросились в толпу, стали хватать и лапать женщин.

— Вот еще одна из тех баб!

Виктория слишком поздно заметила, что перед ней возник мужчина. Он грубо схватил ее за руку, заставив выронить «Кодак».

— Иди сюда, малышка, поцелуй меня!

По-английски он говорил как представитель низшей части среднего класса, в его улыбке чувствовалась неприязнь. В верхнем ряду не хватало многих зубов.

— Руки прочь!

Применив прием джиу-джитсу, Виктория заставила мужчину пошатнуться, затем он упал на землю.

«“Кодак”... Где же “Кодак”?»

Девушка торопливо оглядывалась по сторонам. Протиснувшись между двумя мужчинами, она уже подняла фотоаппарат с земли, когда ее снова схватили, на этот раз сзади. Горло сжал чей-то локоть.

— А ты совсем дикая. Ну что, оттрахать тебя как следует, прежде чем передать полиции?

В нос Виктории ударил запах лука и пива. Девушка смогла немного повернуть голову. Над ней нависло заросшее щетиной красное лицо. Смеясь, мужчина потащил ее прочь, пока она отчаянно пинала его, пытаясь высвободиться.

— Вы ведете себя совершенно неподобающим образом. Немедленно отпустите девушку! — услышала Виктория строгий мужской голос. Она увидела, что на пути у ее обидчика возник молодой мужчина.

— Отвали, франтик. Не то получишь в рожу, — прорычал тот.

— Что ж, если вы совершенно не воспринимаете человеческую речь...

Мимо Виктории просвистел кулак, обрушившись на лицо бородача. Тот попятился. Воспользовавшись возможностью, Виктория вырвалась и свернула на Парламент-стрит. На миг обернувшись, она увидела за спиной своего спасителя, бородача и нескольких его приятелей, следовавших за ним по пятам. В этот миг из-за угла одной из боковых улиц показался кеб.

— Идемте! — Молодой человек схватил Викторию за руку и вместе с ней бросился к карете.

— Куда угодно, лишь бы прочь отсюда! — крикнул кучеру ее спаситель, помогая ей взобраться на сиденье, а затем садясь рядом с ней.

— Как скажете, сэр! — поворачивая коней, кучер щелкнул плетью, обрушив ее на их преследователей, а затем лошади галопом бросились в сторону Ковент-Гардена.

— Иногда в жизни нужно просто немного везения. Мне бы действительно очень не хотелось драться с этим сбродом. К тому же я не совсем в форме, — и молодой человек пошевелил пальцами правой руки, а затем болезненно скривился.

Тут Виктория наконец смогла рассмотреть его. У него были короткие русые волосы и темно-карие глаза. Его нельзя было назвать красавцем, но черты лица у него были правильные. Одна бровь была немного выше другой, из-за чего казалось, что он постоянно над чем-то иронизирует. Небольшие

складочки у широких губ заставляли предположить в нем человека с чувством юмора. Девушка решила, что ему уже больше двадцати лет и родом он из образованной семьи, поскольку в речи его слышался оксфордский или кембриджский акцент. Завершающим штрихом в его образе можно было считать коричневое пальто, хоть и немного поношенное, однако сшитое явно на заказ.

— Боже мой, — пробормотал он себе под нос, — никогда бы не подумал, что вывихну руку за сторонницу миссис Панкхёрст¹.

— Значит, вы против избирательного права для женщин? — вспыхливо воскликнула Виктория.

— Я ничего не имею против...

— Как вы благородны.

— Что вы, не стоит... — Он великодушно махнул рукой. — Однако я имею кое-что против миссис Панкхёрст.

— Потому что она ведет себя не тихо и терпеливо, как того требует всеобщее представление о женщинах, а борется за свои права?

— Нет, потому что я считаю борца за избирательное право женщин ужасно догматичной и самоуверенной особой.

— Ах, вы что же, считаете, что избирательное право для женщин ни в коем случае нельзя вводить прежде общего избирательного права для мужчин? Потому что таким образом ваши собратья по полу останутся внакладе? Хотя вы... — Виктория бросила на него раздраженный взгляд, — ...наверняка относитесь к числу мужчин, у которых есть дом или которые снимают квартиру, а значит, имеют право выбирать правительство.

¹ Миссис Панкхёрст — борец за права женщин, лидер британского движения суфражисток, сыграла важную роль в борьбе за избирательные права женщин. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

— Признаю, я являюсь владельцем небольшого дома рядовой застройки, — он усмехнулся, вынул из кармана пальто льняной носовой платок и протянул его Виктории.

— Это еще зачем? — удивилась та. — Неужели вас смущают мои накрашенные губы?

— Нисколько. Напротив, я считаю вас весьма привлекательной. Но... если вы захотите почистить плечо...

— О...

Виктория оглядела себя. К пальто прилипли остатки гнилого апельсина. Девушка поспешно стряхнула их.

Только теперь Виктория заметила сложенную газету, торчавшую из кармана пальто молодого человека. В глаза ей бросилась дата под названием газеты «Спектейтор»: 13 февраля.

— Господи боже мой! — Она испуганно прикрыла ладошкой рот. — Который сейчас час?

Ее спаситель вынул из кармана часы.

— Чуть больше половины четвертого.

— Мне срочно нужно в «Риц».

— В «Риц»?

Виктория подавленно кивнула.

— Я совершенно забыла, что в три часа у меня там была назначена встреча.

— Вы преподносите сюрпризы. — Ее спутник выглянул из кеба и крикнул кучеру, куда ему следует направляться. — Кстати, на меня произвело впечатление, как вы уложили того молодчика. Похоже было на захват джиу-джитсу. Если позволите заметить, конечно.

— Это и было джиу-джитсу.

— Неужели? — вот теперь удивился он.

— Меня научил отец.

— Должно быть, он выдающийся человек.

— Да, так оно и было, — негромко ответила Виктория. Она все никак не могла смириться с тем, что ее отец вот уже

год как мертв, и до сих пор скучала по нему. Ее мать умерла от лихорадки, когда Виктории было три с половиной года. Заметив сочувствие во взгляде попутчика, она поспешно добавила: — Кстати, как вас занесло к зданию парламента? Вряд ли вы принимали участие в демонстрации за избирательные права женщин.

— Нет, признаю, я был там не поэтому, а по долгу службы. Я работаю на «Спектейтор». Меня зовут Джереми Райдер.

Он извлек из внутреннего кармана пальто визитную карточку и протянул девушке.

— Не хочу быть излишне навязчивым, но, может быть, вы тоже назовете мне свое имя? — чуть помедлив, произнес он.

— О, конечно! — Виктория вынула из сумочки карточку. — Виктория Бредон.

— Бредон... Вы имеете отношение к известному судебномедицинскому эксперту Бернарду Бредону? — Молодой человек взглянул на нее с удивлением.

— Да, совершенно верно. Он был моим отцом.

Карета пересекла площадь Пикадилли с ее георгианскими домами. Совсем скоро они будут у отеля, открытого всего год назад.

— Простите, я все еще не поблагодарила вас за то, что вы спасли меня от того ужасного типа, — вдруг сообразила Виктория и невольно покраснела.

— Мне всегда приятно вести себя как джентльмен по отношению к дамам. — Джереми Райдер покачал головой, когда Виктория потянулась к своему кошельку. — Я ни в коем случае не допущу, чтобы вы оплачивали поездку.

— Поскольку у вас уже есть избирательное право, а у меня еще нет, я в качестве исключения, так и быть, приму ваше предложение.

На прощание Виктория улыбнулась, а когда карета остановилась, спрыгнула с подножки и торопливо направилась к роскошному входу в отель.